

ТЕАТР МАСТЕРСТВА И ПРАВДЫ

К гастрोलю Государственного польского театра

...До мелочей знакомый москвичам старый зал Малого театра. Но мастера прославленной русской сцены на этот раз не на подмостках, а в зале, среди многочисленных зрителей, собравшихся сюда, чтобы приветствовать дорогих гостей Москвы — артистов Государственного польского театра.

Уже неделю идут спектакли. Они доказали прежде всего нерушимую прочность реалистических традиций польской сцены. «Театр Польский» — достойный представитель богатой польской театральной культуры; этот коллектив прочно связан с национальной сценической традицией, уходящей своими корнями в далекое прошлое.

Польская сцена всегда обильновала замечательными актерами-реалистами. Особую роль в становлении современного польского театра сыграла так называемая «краковская школа», к которой принадлежали многие прославленные художники национальной польской сцены. Именно из стен Краковского театра вышла та группа актерской молодежи, которая составила основное ядро «Театра Польского», открывшегося в Варшаве в 1913 году. Благоприятное влияние на польское театральное искусство оказали воззрения К. С. Станиславского.

Театр стремится быть возможно ближе к жизни народной Польши. Отсюда его тесная связь с драматургами-современниками. Литературным руководителем театра является один из крупнейших польских писателей и общественных деятелей, лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Леон Кручковский. Постановки его пьесы «Юлиус и Этель», посвященной героическим борцам за мир Юлиусу и Этель Розенбергам, их трагической гибели и их духовной победе, — одна из наиболее крупных, значительных и волнующих работ театра.

Все предельно просто, сурово, сдержанно в этом спектакле. И постановщик Александр Бардин, и художник Отто Аксер, и исполнители овладели высочайшей законностью трагедии. Камера. Кабинет начальника тюрьмы. Снова камера. Снова кабинет начальника тюрьмы. Действие не выходит за пределы тюрьмы Синг-Синг, оно максимально сосредоточено во времени: всего лишь день июня 1953 года. День казни. И

в руках героев — решать: сохранить жизнь или расстаться с ней. Сохранить ее просто: поднять трубку и сказать, что супруги Розенберг признают себя виновными. Тогда — помилование. Жизнь, встреча с детьми... Прокурор так поджигательно ведет себя: он обещает не отходить от телефона; когда бы ни одумался Юлиус и Этель, он услышит их звонок...

Поднять трубку? Признать себя виновными? Но это значит предать дело мира. Ложные показания спасут жизнь, но жизнь, купленная ценой предательства, уже недостойна называться жизнью.

«Мы не хотим умереть. Мы молоды и жаждем долгой и плодотворной жизни. Но если, кроме смерти, мы можем избрать лишь жизнь, окупленную ценой отказа от личного достоинства, от борьбы за демократию и за наши моральные идеалы, то мы не видим для себя будущего...».

Эти слова из тюремной переписки супругов Розенберг определяют весь внутренний строй спектакля, глубоко простого, человеческого, искреннего. Огромная впечатляющая сила «Юлиуса и Этели» — в ощущении внутренней гражданской необходимости, с какой работали над этим спектаклем польские артисты. «Я должен был написать эту пьесу», — говорит Леон Кручковский, и это подчеркнутое им «я должен» знаменательно.

Нет сомнения, что в лице Галины Николаевны «Театр Польский» располагает трагической актрисой редкого дарования. Ее исполнение роли Этель Розенберг — событие. Вдохновенным, острым мастерством отмечены и другие актерские работы в этом спектакле — прежде всего полное мужества, сдержанности, благородства исполнение роли Юлиуса артистом Тадеушем Кондратом.

И вот через несколько дней мы снова видим Т. Кондрата на сцене. На этот раз в спектакле «Такое время». И артист, и театр, показывая нам работу над современной польской драматургией, продемонстри-

ровали исключительную многосторонность своих поисков, богатство и разнообразие своих творческих средств. Если спектакль «Юлиус и Этель» — крупная победа коллектива, ищущего пути к созданию современной трагедии, то «Такое время» — это комедия, отмеченная всеми характерными признаками жанра, которым польские артисты владеют в совершенстве.

Комедия Ежи Юржидота «Такое время», поставленная режиссером Мариалом Выжиковским в минувшем сезоне, очень не сложна по сюжету. Ну, в самом деле, что можно рассказать о том, как жена директора маленького провинциального гвоздильного завода мечтала перетянуть мужа из «глуши» на работу в Варшаву (да в сам он вслух мечтал о том же!), а когда энергичная Дорота наконец добилась своего, оказалось, что директор Зелинский увлечен делом и нигде отсюда не уездет. Простая история! Но сколько юмора, наблюдательности, светлого, радостного ощущения нового времени сумел раскрыть театр, рассказывая ее. Мягко и весело пропихивает актер Чеслав Воляйко над своим героем, писателем Юлианом Скупенем, приехавшим денька на два на завод, чтобы подобрать материал для «производственной пьесы». Да, в жизни все как будто бы так, как набросано в его конспекте булочки пьесы: положительный директор, еще более положительный старый рационализатор... Но насколько же все в жизни интереснее, чем в этой схеме, и как непохож смелой и трогательный директор Зелинский (его-то и играет Тадеуш Кондрат) на свое «отражение» в будущей пьесе.

Прелесть играет Барбара Людвижанка его жону Дороту. У польских актеров есть замечательное качество: смело и задорно смеясь над вульгарностью и пошлостью персонажей, они ни на секунду не обращаются к вульгарным актерским приемам. Изящество, артистизм не изменяют им в самых острых сценических ситуациях.

Высокое, отточенное комедийное мастерство восхищает в постановке «Мужа и жены». Режиссер Богдан Коженевский тонко чувствует природу драматургии Фредры с ее дерзкой изощренностью и не боится «фривольности» сюжета.

Трудно отнять предпочтение кому-либо из четырех актеров (в комедии всего четы-

ре героя). Янило Романуше? Она играет с блеском, с элегантностью, и чем вульгарнее и глупее ее героиня, тем больше заметны вкус и ум актрисы. Юстине Кречмаровой? Ее Юстина сыграна очаровательно и забавно. А разве можно не заметить мастерства Яна Кречмара, играющего графа Вацлава, или Чеслава Воляйко в роли Альфреда? У польских артистов отличная техника. В комедии Фредры это качество особенно ценно: здесь нужны и блестящая дикция и отличная пластика. Но техника никогда не становится предметом «демонстрации», всякий раз подчиняясь основной идее произведения.

Прост, ясный, неторопливый строй спектакля «Букла». Инсценируя хорошо знакомый нашему читателю роман классика польской литературы Болеслава Пруса, театр не ставил своей задачей создать самостоятельное драматическое произведение, развивающееся по своим, только ему присущим законам. Перед нами — сцены из романа. Отсюда — некоторая статичность инсценировки. Но самый выбор сцен и их театральное освещение глубоко продуманы: режиссер постановки — художественный руководитель театра Бронислав Домбровский — стремится к максимальной исторической точности повествования, он дорожит той широтой охвата общественной жизни Польши конца XIX века, которой прежде всего ценна «Букла».

Тонким чувством исторической правды отмечено острое, талантливое исполнение роли «куклы». Не только светская высокомерность верно передана актрисой Иридой Андрыч, но и душевный пианизм, беспринципность, кроющиеся за шляхетским гонором Изабеллы Ланцкой. Цельность, одаренность человека из народа глубоко раскрывает в этом спектакле артист Лех Малайинский, исполнитель роли Вокульского.

Самобытностью отличается и толкование театром зарубежной классики. Об этом свидетельствуют и постановка «Сиды» и чеховский «Дядя Ваня».

Чехов прочитан очень по-своему и очень интересно. Режиссер Мария Верпинская вылит в нем прежде всего писателя, говорящего о больших и сильных человеческих чувствах, раскрывающего их в обстоятельствах напряженных и драматичных. Не «будничность», но томительное, медленное течение серых однообразных дней стремится передать постановщик, а то, что за

этим скрывается: драму настоящих, значительных людей. Может быть, при этом М. Верпинская излишне торопится обнажить скрытое. Героям Чехова, пожалуй, свойственна большая сдержанность. Зато внутренняя динамика пьес Чехова, их социальная острота увлечены польской труппой очень верно: именно внутренней динамичностью выдвигает образ Соли. Рышарда Ханни играет эту роль действительно по-чеховски, она правдива в каждый момент своего существования на сцене. От нее не хочется оторвать взгляда и тогда, когда она молчит. Вот Астров пригласил Елену Андреевну повесить его вместе с палочницей, разумеется... Соня всхликает, опускает лицо, чтобы скрыть счастливую улыбку... Вот, не выдержав, «срывается» лядя Ваня, разгорается безобразный скандал. Соня стоит, прижавшись к стене, сгорая от мучительного стыда и жалости, почти зажмурившись, вся напряженная, не умея омертветь, оборвать возмущающую ее сцену.

Спектакль «Дядя Ваня» звучит свежо, живо, по-настоящему талантливо.

Советская драматургия в гастрольном репертуаре «Театра Польского» представлена «Чужой тенью» К. Симонова. Простота, умение передать всю остроту борьбы мировоззрений — вот замечательные качества постановки Яна Кречмара. Лишь по каким-то чуть заметным, простым и точным деталям можем мы проследить весь глубокий процесс духовного прозрения Трубинкова, роль которого очень ясно и строго решается Мариан Выжиковский. Серьезность, вдумчивость, чувствующаяся в работе театра над пьесой советского писателя, — свидетельство пристального внимания и интереса польских актеров к опыту советской драматургии.

...Семь спектаклей. Какое разнообразие творческих возможностей, какое богатство творческих сил театра показали нам эти постановки! Мы полюбили польский театр за короткие дни нашего знакомства. Пусть примут наши гости эту любовь как одно из проявлений любви и уважения, которые советский народ питает к братскому народу Польши, к его прекрасной культуре.

И. СОЛОВЬЕВА.

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

5 октября 1954 г.

3 стр.